

Ипполит Богданович

Душенька

Ипполит Федорович Богданович

Душенька

«Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой.

Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности...»

**Ипполит Богданович
Душенька**

Предисловие от сочинителя

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостатка при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой.

Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют

могущие встретиться в сочинениях моих по-
грешности.

Стихи на добродетель Хлои

*Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.
Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!*

Книга первая

*Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни ге-
рои
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности сла-*

гаю.

Не лиры громкий звук – услышишь ты свирель.

Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,

Вдохни в меня твой жар и разум мой осмелъ

Коснуться счастья селений благодатных,

Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,

Где царствуют без сук веселости одни.

У хладных берегов обильной льдом Славены,

Где Феб туманится и кроется от глаз, Яви потоки мне чудесной Иппокрены.

Покрытый снежными буграми здесь Парнас

От взора твоего растаявал не раз.

С тобою нежные присутствуют зephyры,

Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,

Хулы и критики, и грусти и беды;

Забавы без тебя приносят лишь труды:

Веселья морщатся, амуры плачут си-

ры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто прозу
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.
Издревле Апулей, потом де ла Фонтен

На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности яви-
ли;
Пером их, кажется, что грации води-
ли,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невоз-
можно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах
простых,
Тому подобну тень представить остро-
рожно
И в повесть иногда вместить забав-
ный стих.
В старинной Греции, в Юпитерово вре-
мя,
Когда размножилось властительное
племя.
Как в каждом городке бывал особый
царь,
И, если пожелал, был бог, имел ол-
тарь.
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,

Умом, лицом, кудрями
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
Известно, где и как на самом деле он
За хищные дела и за кривые толки
Из греческих царей разжалован был в волки.
Но тот, о ком хочу рассказывать теперь,
Ни образом своим, ни нравом не был зверь;
Он свету был полезен
И был богам любезен;
Достойно награждал,
Достойно осуждал;
И если находил в подсудных зверски души,
Таким ослиные приклеивал он уши,
Иным сурову щеть, с когтями в прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре рог.
От едкой древности, которая быль глотает,

Архива многих дел давно истреблена;
Но образ прав его сохранно почитает
И самый поздний свет, по наши времена.

Завистным он велел, как вестно, в
том труждаться,
Чтоб счастье других
Скучало взорам их
И не могли б они покоем наслаждаться.

Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться;
Но им не насыщаться.
Спесивым предписал с людьми не сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась та
же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды государю
Везде носить велел
Противнейшую харю,
Какая изъявлять клеветующих могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве на мас-

караде
Когда на масленой, в торжественном
параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И словом,
В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны чуда-
ки
С приличной надписью носили колпаки
По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.
По доброму суду, устав сей был не
строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду
Как будто рыбий род,
По несколько на всякий год.
Овидий, лживых лет потомственный
писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз
приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни ча-
сты.
Преобращенные тогда в быков Церас-

ты,
Цекропов целый род, за злобу и обман,
Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягушки,
Непостоянные – в вертушки,
Болтливые – в сорок,
Жестокосердые – во мраморный кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за лас-
ки
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней людям
казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.
О, если б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и есть,

Ты б, слыша стих мой, ужаснулся
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец!
Возможно ль изъявить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поестъ, попить и после спать.
А за такое хлебосольство,
И более за добрый нрав,
От всех соседственных держав
Явилось к нему посольство.
Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает, –
Подобно так была меньшая всех видней,
И старших сестр своих достоинства
мрачила
И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде ей

Природа никогда на свете не явила.
Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерзновенно

Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась,
В языках же других, при переводе слов
Звалась она Душа, по толку мудрецов,
А после в повестях старинных знатоков

У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.

Во славу Душеньке у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.

Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга
Как весь цитерский мир и вся его окру-
га

Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты – печали!
Веселий, смехов, игр собор,
Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид,
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд
Непостоянные амуры,
Из храма пролетая в храм.
К унылой пустоте – природы
Не возмogli привыкнуть там
Оттуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели

За Душенькою в новый путь
Искать себе свободной неги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,
Кряхтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам
Узнала наконец богиня красоты,
Со гневом пребезмерным
Причину вокруг себя и сук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила
Венеру
К достоинствам богинь имела должну
веру
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена бы-
ла.
Притом злоречивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;
И кои милостей иль ждали, иль проси-
ли,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в
зло
Присвоила себе цитерских слуг число;

И что кому угодно
В то время мог солгать на Душеньку
свободно.

Но чтобы делом месть
Над нею произвести,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу
Велела наскоро в дорожную колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров заложить,

И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то
удобно,

Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступишь за честь мою и
славу,

Яви свой суд, яви управу.

Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней
слыхать:

Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмерт-
ную мать:

Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать

А в областях моих над мной торже-
ствовать;

Могу ли я сносить и видеть равнодуш-

но,

Что Душеньке одной везде и все послушно!

За ней гоняся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, амуры и зephyры,
И скоро Душеньке послушны будут ми-
ры.

Юпитер сам по ней вздыхает день и
ночь,

И слышно, что берет себе ее в супруги,
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!

Каков ты будешь бог и где твой будет
трон,

Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стре-
лы

И нагло покорит подвластны нам пре-
делы?

Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы
смелы:

По воле ходят в небеса

И всякие творят на свете чудеса.

И можно ли терпеть, что Душенька
собою,

Без помощи твоей, во всех вселяет
страсть,

Какую возжигать один имел ты

власть?

Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою на-
пасть.

За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худую,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался чело-
век;

Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыс-
кался хуже,

Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;

Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала».

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.

Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,

Но должен был привести в спокойство
Свою прогневанную мать

И ей впоследствии обещать

За дерзость Душеньку порядком по-
стращать.

Услышав те слова, амуры ужаснулись

Весельи ахнули и смехи содрогнулись
Одна Венера лишь довольна тем была.
Что гнев на Душеньку неправдой на-
влекла;

С улыбкою на всех кидая взор приятно,
Сама рядила путь во остров свой об-
ратно

И для отличности такого торжества
Явила тут себя во славе божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
С прохладным роздыхом, порозжую на-
зад.

Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на карти-
нах,

Пустилась по водам на двух больших
дельфинах.

Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.

Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.

Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;

Иной вокруг нее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне

И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в сторону велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,
На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коралльный громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальних,
Успев приплыть к богине сей,
Несет обломок гор хрустальных
Наместо зеркала при ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.
«О, если б вид сей, – он вещает, –
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,

Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту
И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с быльми небылицы,
Ее стараясь превознестъ.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни зephyры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы;

Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ее взвеваает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды,
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провожать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к богине
весть,
Которую Зефир спешил скорей при-
нести,
Что бедство Душеньки преходит всяку
меру,
Что Душенька уже оставлена от всех

И что вздыхатели, как будто ей в по-
смех,
От всякой встречи с ней повсюду уда-
лялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж больше не влюб-
лялись
И к ней не подходили вблизи,
А только издали ей близко поклоня-
лись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:
«За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от царев-

ны?» –

Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню
честь,

За что против себя воздвигла вышнюю
месть,

И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть го-
товым

Еще к несчастьям новым,
Предвозвещаая им на будущие дни
Беды и страшны муки,

Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня, –
Могли ль предать ее на мщенье Вене-
ры?

И все в единый глас
Богине на отказ

Возопияли смело
Что то несбыточное дело.

Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;

Другие ж, недослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь ее боготворили;
И что Венеры к ней и ненависть и
месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова, хотя и лестны
были,
Но были ей милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах
Но в тайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:
«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка

Себе имеет пастуха:
Одна лишь я не с кем не дружка
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно
И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем, как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных уйти собиралась в даль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согласились.
Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.
Впоследствии сродники советовать решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили свои для толку строки;

Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаясь слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хочет – на земли, коль хочет – в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждает.
Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы, за тридцать земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».
Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,

Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были
строги?
И есть ли в том какая статья,
Чтоб Душеньку навек чудовищу от-
дать,
К которому никто не ведает дороги? –
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки,
Представили себе чудовищ злых при-
вязки,
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно не безызвест-
но
О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разевают,
И что притом у них видають
И семь голов, и семь рогов
И семь, иль более хвостов.
От страхов таковых родные возмуща-
лись;
Потом, без дальних слов,
Зывали множеством различных голо-
сов;
Царевну проводить до места обеща-

лись,
И с нею навсегда заранее прощались.
Не знали только где была бы та гора,
К которой Душеньку отправить надле-
жало;
Оракул не сказал, или сказал, но мало,
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору?
Синай или Ливан, иль Тавр, или Кавказ?
И кои в Душеньке высокий разум чи-
ли,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей конечно на Пар-
нас.
Они наслышались, что некоторые музы
Имели с ней союзы;
Что Душенька от них училась песни
петь
И таинства красот парнасских разу-
меть;
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что музы истари проводят в девстве
век,
И никакой туда не ходит человек,
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает часто
стужа,

И у Кастальских вод
Хоть там дороги святы,
Нередко замерзал народ.
Иные, избрав жарчайшие климаты,
Хотели Душеньку во Африку везти,
Где ведали, что есть чудовищи в че-
сти;
Притом, последуя Оракулову гласу,
Хотели именно вести ее к Атласу,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издравле множеством прославилась
чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем от-
вете.
Тогда смелейшие из плачущей родни
Представили, храня ее цветущи дни,
Что Душеньку легко там могут змеи
скушать;
И громогласно все, без дальнего суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракул сам не
ведит
И что Оракул бредит.
В совете наконец
Родня царевина, и паче царь-отец,
За лучшие ставили, богов противясь
власти,

Терпеть гонения и всякие напасти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотела быть послушна.
Иль, может быть и так, чтоб мне не
обмануть,
Она, прискучив жить с родными без су-
пруга,
Искала наконец себе другого друга,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным была видна ее услуга,
В решительных словах сама сказала
им:
«Я вас должна спасти несчастьем
моим.
Пускай свершается со мною вышня во-
ля;
И если я умру, моя такая доля».
Меж тем как Душенька вещала так
отцу,
И царь и весь совет пустились плакать
снова
И в скорби не могли тогда промол-
вить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по ли-
цу.
Но самую печаль в прегорестнейшем

плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу
мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми
паче
И, память потеряв, валялась как без
ног;
Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставит ни во что Оракула слова,
И что ни для какого чуда
Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гортанну
мочь,
Однако вопреки Амур, судьбы и боги,
Оракул и жрецы, родня, отец и дочь
Велели сухари готовить для дороги.
Во время оных лет
Оракул в Греции столь много почитал-
ся,
Что каждый исполнять слова его ста-
рался
И сам искал себе преднареченных бед,

Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляет град;
В дорогу сказан был наряд.
Куда? От всех то было тайно.
Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела свои судом
Она решила обычно,
Сказала всей своей родне,
Чтоб только в путь ее прилично сна-
рядили
И в колесницу посадили,
Пусть по воле лошадей,
Без кучера и без возжей:
«Судьба, – сказала, – будет править,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить»
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с ней ца-
рица,
Котора Душеньку не могли удержать,
Желает провожать.
Тронулись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,

Везут с двора, везут из града
И, наконец везут из крайних городов.
В сей путь, короткий или дальний,
Устроен был царем порядок погребаль-
ный.

Шестнадцать человек несли вокруг
свечи

При самом свете дня, подобно как в
ночи;

Шестнадцать человек с печальною му-
зыкой,

Унывный пели стих в протяжности ве-
ликой;

Шестнадцать человек, немного тех
позадь,

Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почи-
вать;

Шестнадцать человек, поклавши на
подушки,

Несли царевины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там царица-мать,

Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.

Потом в параде шел жрецов усатых
полк,

Стихи Оракула неся перед собою.

Тут всяк из них давал стихам различ-

ный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к
покою.

За ними шел сиклит и всяк высокий
чин;

Впоследствии ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-ца-
рица.

У ног ее стоял серебряный кувшин;
То был плачевный урн, какой старинны
греки

Давали в дар, когда прощались с кем
навек.

Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,

И, предав судьбам расправу царских
дел,

Свободно на пути вздыхал при каждом
шаге.

Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,

И каждый до своей границы
С царевной шел в поход.

Иные хлипали, другие громко выли,
Не ведая, куда везут и дочь и мать;

Другие же по виду мнили,

Что Душеньку везут живую погре-
бать.

Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,
Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвести
Народ от сей напасти;
Но все противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.
Уже, чрез несколько недель,
Проехали они за тридевять земель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.

Впоследствии, едучи путем и вдоль и
вкруг,
К одной горе они лишь только подступили,
Тут сами лошади остановились вдруг
И далее не шли, сколь много их не было.
Тут все судеб тогда признаки находили;
Признаки те жрецы согласно подтвердили,
И все сказали вдруг, что должно точно там,
На высоте горы, Оракуловым словом,
Оставить Душеньку у неба под покровом.
Вручают все ее хранителям-богам,
Ведут на высоту по камням и пескам,
Где знака нет дороги,
Едва подъявля вверх свои усталые ноги,
Чрез камни, чрез бугры и чрез глубоки
рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,
Где алчные рыкают львы.
И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,

Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И кверху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры,
Иным являлись там мегеры,
Иным летучи дромадеры,
Иным драконы и церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слух,
Мутили дух.
Таков был путь, куда царица торопи-
лась,
Куда вся свита вслед за ней, кряхтя,
толпилась.
Осталась позади одна царица-мать,
Не могши далее полугоры шагать,
И с Душенькой навек поплакав там,
простилась.
При трудности тогда царица кро-
вать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут,
Имея многий труд,
Немало шапок пороняли,
Которы наподхват драконы пожира-
ли.
Иные по кустам одежды изодрали

И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторон-
них стыд.

Осталось наконец лишь несколько бу-
лавок

И несколько стихов Оракула для спра-
вок.

Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все яви-
лись?

Читатель сам себе представит то
умом.

Я только лишь скажу, что с нею все
простились;

И напоследок царь, согнутый скорбью
в крюк,

Насильно вырван был у дочери из рук.

Тогда и дневное светило,

Смотря за горесть сих разлук,

Казалось, будто сократило

Обыкновенный в мире круг

И в воды спрятаться спешило.

Тогда и ночь,

Одну увидев царску дочь,

Покрылась черным покрывалом

И томнейшим лучом едва светящих
звезд

Открыла в мрачности весь ужас оных мест.

*Тогда и царь скорей предпринял свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым началом.*

Книга вторая

*Но где возьму черты
Представить страх, какой являла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве темноты,
Оставшу без отца, без матери, без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут все что царска дочь от нянюшек слыхала
И что в чудеснейших историях читала,
Представилось ее смущенному уму.
Страшилища духов, волшебные призраки
Различных там смертей являли ей признаки
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.*

Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказав ко-
му,
Как вдруг чудесна сила
На крылех внутренних взнесла ее над
мир.
Невидимый Зефир,
Ее во оный час счастливый похити-
тель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красоту,
Запомнил Душеньку уведомить снача-
ла,
Что к ней щедротно власть тогда по-
велевала
Ее с почтением восхитить в высоту;
И, мысли устремив к особенному диву,
Взвевал лишь только ей покровы на ле-
ту.
Увидя ж Душеньку от страха еле жи-
ву,
Оставил свой восторг и страх ее пре-
сек,
Сказав ей с тихостью, преличною Зе-
фиру,
Что он несет ее к блаженнейшему ми-
ру –
К супругу, коего Оракул ей прорек;

Что сей супруг давно вздыхает без су-
пруги;

Что к ней полки духов

Назначены в услуги,

И что он сам упасть к ногам ее готов,

И множество к тому прибавил лест-
ных слов.

Амуры, кои тут царевну окружали,

И уст улыбками и радостьми очес

Отвсюду те слова согласно подтвер-
ждали.

Не в долгом времени Зефир ее вознес

К неизвестному ей селению небес,

Поставил средь двора, и вдруг оттоль
исчез.

Какая Душеньке явилась тьма чудес!

Сквозь рощу миртовых и пальмовых
древес

Великолепные представились чертоги,

Блестящие среди бесчисленных огней,

И всюду розами усыпаны дороги;

Но розы бледный вид являют перед ней

И с неким чувствием ее лобзают ноги.

Порфирные врата, с лица и со сторон,

Сафирные столпы, из яхонта балкон,

Златые купола и стены изумрудны

Простому смертному должны ка-
заться чудны:

Единым лишь богам сии дела не трудны.

Таков открылся путь – читатель, примечай –

Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни

Она, во образе летящей вверх богини,
Нечаянно взнеслась в прекрасный
некий рай.

В надежде на богов, бодряся их признаком,

Едва она ступила раз,

Бегут на встречу к ней тотчас

Из дому сорок нимф в наряде одинаком;

Они старались приход ее стеречь;

И старшая из них, с пренизким ей поклоном,

От имени подруг почтительнейшим тоном

Сказала должную приветственную
речь.

Лесные жители своим огромным хором

Потом пропели раза два,

Какие слышали похвальны ей слова,

И к ней служить летят амуры всем
собором.

Царевна ласкова, на каждую ей честь,
Ответствовала всем то знаком, то
словами.

Зефиры, в тесноте толкаясь голова-
ми,

Хотели в дом ее привести или при-
нести;

Но Душенька им тут велела быть в
покое

И к дому шла сама среди различных
слуг,

И смехов и утех, летающих вокруг.

Читатель так видал стремливость в
пчельном рое,

Когда юничный род, оставя старых
пчел,

Кружится, резвится, журчит и вдаль
летает,

Но за царицею, которую почитает,

Смирятся, летит на новый свой удел.

Царевна посреди сих почестей отмен-
ных

Не знала, дух ли был иль просто чело-
век

Обещанный супруг, властитель мест
блаженных,

Которого пред сим Зефир в словах смя-
тенных

Отчасти предвестил, но прямо не на-
рек.

Вступая в дом, она супруга зреть же-
лала

И много раз о нем служащих вопроша-
ла;

Но вся сия толпа, которая с нею шла

Или вокруг летала,

Уведомить ее подробней не могла,

И Душенька о том в незнании была.

Меж тем прошла она крыльцовые сту-
пени

И введена была в пространнейшие се-
ни,

Отколь во все края, сквозь множество
дверей,

Открылся перед ней

Прекрасный вид аллея,

И рощей, и полей;

И более потом высокие балконы

Открыли царство там и Флоры и По-
моны,

Каскады и пруды,

И чудные сады.

Оттуда сорок нимф вели ее в чертоги,

Какие созидать удобны только боги,

И тамо Душеньку, в прохладе от доро-
ги,

В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору, вместо вод, повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согрева-
ли,
Из разных аромат вздували пузыри
И благовонные устраивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная сила.
Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водиться при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот свои по-
кровы.
Полки различных слуг, пред тем отдав
поклон,
Без вздохов не могли оттуда выйти
вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в
услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом
мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,
Прокрались между нимф и спрятались

в воде,
Где Душенька купалась.
Она пред ними там во всей красе явля-
лась,
Иль паче – им касалась;
Но Душенька о том никак не догада-
лась.
Зефиры! Коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы ска-
жете
И части, и черты,
И все приятности царевнины подроб-
но,
Которых мне пером представить не
удобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разу-
мею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.
Царевна, вышедши из бани наконец,
Со удовольствием раскидывала взгля-
ды
На выбранны для ней и платья и наря-
ды,

И некакой венец,
Ее одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу.
Нетрудно разуместь, что для ее услуг
Горстями сыпались каменья и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что
помнила,
Желаемая вещь пред ней являлась
вдруг;
Пленяясь своим прекраснейшим нарядом,
И по стенам пред ней стоят великим
рядом,
Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол готов;
Приборы для стола, и ествы и напитки,

И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и из-
бытки;
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов;
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйки должности старались разде-
лить:
Иной во кравчих был, другой носил по-
суду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила под-
нести,
И многие пред ней стояли рот разиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почи-
тались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время услажда-
лись.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,

Раздался сладкий звук орудий музы-
кальных

И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог
стихов.

Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.
Читатель знает сам, приятна ль ей
была

Такая похвала;

Но, впрочем, Душенька решить не воз-
могла,

Приятство ль голосов, достоинство
ль скрипицы,

Согласие ли арф, иль флейту предпо-
честъ, –

В искусстве все едины были духом,

Чтоб Душенька в раю

Познала часть свою

Прикосновением, устами, оком, слу-
хом;

Коль можно почитать за правду все
слова,

У греков есть молва,

Что будто бы к сему торжественно-
му хору

Нарочно сысканы Орфей и Амфион,

И будто, в Душеньку влюбясь по разбо-

ру,
Играл и правил там оркестром Аполлон.
Впоследствии хор певиц, протяжистым манером,
С приличным некаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомянуть их могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследствии распустила.
Потом нескромные зephyры разнесли
Стихи сии оттоль по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли:
«Любови все сердца причастны.
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастье познаешь вновь».
Трикратно песня та пред Душенькой пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из нимф явилась доложитъ,
Что время ей уже в постеле опочить

При слове «опочить» царевна покрасне-
ла

И, как невеста, оробела,
Однако спорить не хотела.

Раздета Душенька; ведут ее в чертог,
И там, как надобно к покою от дорог,
Кладут ее в постель на некоем престо-
ле

И, поклонившись ей, уходят все отто-
ле.

Не знаемо отколь, тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явил-
ся, —

Нетрудно отвечать: явился он
впотьмах

И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух или колдун он был, но не от-
крылся.

Никто не смел раскрыть завесы дел
ночных.

Не знаю, что они друг с другом говори-
ли,

Ни околичностей, при том какие бы-
ли;

Навеки тайна та осталась между их.
Но только поутру заметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись под

тишком,
И гостья, будучи стыдлива от нату-
ры,
Казалась между их с завешенным уш-
ком.
Супружество могло царевне быть при-
ятно,
Лишь только таинство казалось непо-
нятно:
Супруг у Душеньки, сказать, и был и
нет;
Приехал ночью к ней, уехал до рассве-
та,
Без имени без лет,
Без росту, без примет,
И вместо должного ответа,
Скрывая, кто он был, на Душенькин во-
прос
Просил, увещевал, для некаких ей гроз,
Чтоб видеть до поры супруга не жела-
ла;
И Душенька не знала,
С каким чудовищем иль богом ночева-
ла,
Неслыхан был подобный брак.
Царевна, думая и так о том и сяк,
Развязку тайны сей в Оракуле искала;
Оракул ей давно супруга описал

Страшилищем ужасным:
Супруг с Оракулом начался быть со-
гласным,
Как будто он себя затем и не казал.
Хотя же Душенька противно б разуме-
ла,
Касавшись до супружня тела,
Хотя б казалось ей
Из всех его речей,
Но так Оракул рек и так вещали боги,
Что сей супруг ее наносит всюду
страх.
Или зверины ноги,
Иль когти на руках,
Иль гнусную фигуру,
Так лучше Душеньке уroda такова,
Который всю страшит натуру
Не видеть и не знать, пока она жива.
Меж тем как Душенька в постеле
Не знала, как решить о деле,
Заря гнала ночную тень.
И светлый вид воспринял день;
Но свет тогда не мог забавить
Смущенную цареву дочь,
Которая минушу ночь
В забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сон, не дожидаясь но-
чи

Поутру вновь сомкнул ее прекрасны
очи.

Потом, летаючи вокруг ее лица,
Явил супруга ей со всею красотой –
Со стройством, нежностью, дород-
ством, белизною,

С румянцем краше багреца:

Явил подобие молодого Аполлона,
Иль, можно так сказать, прекрасна
Купидона,

В восемнадцать лет иль так почти,
Что был он близко двадцати,
И был во всей красе и славе.

Царевна, в оном сне обманута меч-
той,

Супруга чает видеть въяве,
Хватает тень, кричит: постой!

Призрак в восторг ее приводит,
Но сей призрак от ней уходит,
Как будто б удалялся он.

Она зовет, бежит и беглеца хватает.
Сие движение впоследок прерывает
Ее неверный сон:

И Душенька в руках, проснувшись, ощу-
щает,

Наместо беглеца, свой спальный бала-
хон.

Известно, что тогда супруг, сокрыв-

шись тамо,
Желал подслушивать ее любовный
бред,
Но рок свиданию противился упрямо;
Царевна видела супружний только
след,
И только было то приметить ей воз-
можно,
Что он гостил у ней неложно,
Что он в отсутствии оставил ей лю-
бовь
И что любовью сей она тогда сгорала.
«Но кто таков был он? но кто?» –
твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала.
И сон опять, кружась над нею с тиши-
ною,
Спокоил мысль ее приятною мечтою
В другой, как в первый, раз.
Не знаю, долго ли мечта сия продли-
лась,
Но Душенька от сна не прежде пробудилась,
Как полдень уж прошел и после полдня
час.
Тогда служащие девицы всем собором
Царевну вновь одеть пришли
И сорок платьев принесли

Со всем к тому прибором.
В сей день она себе назначила наряд,
Который был простее,
Затем, что Душенька спешила поско-
рее
Увидеть редкости чудесных сих палат.
Я, в том последуя царевнину уставу,
Сей дом представить поспешу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей там при-
нести забаву.
Вначале Душенька по комнатам по-
шла,
И, тамо бегая, нигде не пробежала
Покою, ни угла,
В котором бы она на час не побывала;
Оттуда в бельведер, оттуда на бал-
кон,
Оттуда на крыльцо, оттуда вниз и
воң,
Чтоб видеть дом со всех сторон.
Толпа девиц за ней бежать не поспева-
ла,
Земфиры лишь одни ей следовать мог-
ли,
И Душеньку везде, как должно, берегли,
Чтоб как ни есть она, бежавши, не
упала.

Она смотрела раза три
Сей дом снаружи и внутри.
Меж тем зephyры и амурь
Казали ей архитектуры
И всяки редкости натурь,
Которь Душенька, оглядывая вкруг,
Желала видеть вдруг,
И что смотреть не знала;
Одна перед другой со спором взор пленяла,
И Душенька б еще пошла по всем местам,
Когда б от бегу там
Впоследок не устала.
Во отдыхе ж она от сих тогда трудов
Смотрела статуи славнейших мастеров:
То были образцы красавиц бесподобных,
Которых имена, и в прозе, и в стихах,
В различных повестях, и кратких и подробных,
Бессмертно царствуют в народах и веках.
Калисто, Дафния, Армида, Ниобея,
Елена, Грации, Ангелика, Фринья
И множество других богинь и смертных жен,

Очам являясь живо,
Во всей красе на диво
Стояли там у стен.
Но посредине их в начале,
На некоем высшем пьедестале
Самой царицы лик стоял
И более красотой другие превyšшал.
Смотря на образ свой, она сама дивилась
И вне себя остановилась!
Другая статуя казалась в ней тогда,
Какой вовеки свет не видел никогда.
Конечно, Душенька и доле б так осталась
Смотреть на образ сей,
Которым обольщалась;
Но слуги, бывшие при ней,
В других местах казались ей,
Для новой глаз ее забавы,
Другие образы красот ее и славы:
До пояса, до ног, в весь рост, до самых
пят,
Из золота, из серебра, из бронзы иль из
стали,
И головы ее, бюсты, и медали;
А инде мозаик, иль мрамор, иль агат
В сих видах новую бесценность представляли.

В других местах Апелл, иль живописи
бог,
Который кисть его водил своей рукою,
Представил Душеньку со всею красо-
тою,
Какой дотоле ум вообразить не мог.
Желает ли она узреть себя в карти-
нах?
В иной – фауны к ней несут Помонин
рог,
И вяжут ей венки, и рвут цветы в до-
линах,
И песни ей дудят, и скачут в кругови-
нах;
В другой – она, с щитом престашным
на груди,
Палладой наряжась, грозит на лошади,
И, боле чем копьем, своим прекрасным
взором
Разит сердца приятным мором.
А там пред ней Сатурн, без зуб, пле-
шив и сед,
С обновою морщин на старолетней ро-
же,
Старается забыть, что он давнишний
дед,
Прямит свой дряхлый стан, желает
быть моложе,

Кудрит оставшие волос своих клочки,
И видеть Душеньку вздевает он очки;
А там она видна, подобясь царице,
С амурами вокруг, в воздушной колес-
нице,
Прекрасной Душеньки за честь и красо-
ту
Амуры там сердца стреляют на лету:
Летят великою толпою,
И все они несут колчаны за плечами,
И все, прекрасными гордясь ее очами,
Летят, поднявши лук, на целый свет
войною.
А там свирепый Марс, рушитель мир-
ных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав:
Полей не обагрят кровью,
И наконец, забыв военный свой устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней любо-
вью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят
И вымыслами игр повсюду производят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украшают,
И тихо вокруг ее летающий зефир
Рисует образ сей, чтоб им украсить

мир;

Но в ревности от взглядов вольных,
Умеривая ум любителей свобод,
Иль будто бы странясь от критик
злокрамольных,

Скрывает в списке он большую часть
красот;

И многие из них, конечно чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались
сами.

Везде в чертогах там

Царевниным очам

Торжественны ей в честь встечались
предметы:

Везде ее портреты

Являлись по стенам,

В простых уборах и нарядах

И в разных платьях маскарадных.

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша

По образу ль какой царицы ты одета,

Пастушкою ли где сидишь у шалаша,

Во всех ты чудо света,

Во всех являешься прекрасным божес-
ством,

И только ты одна прекраснее портре-
та.

Потомство ведает, что сей чудесный
дом,

Где жители тебя усердно обожали,
Сей храм твоих красот амуры сооружи-
ли,
Амуры украшали,
Амуры образ твой повсюду там каза-
ли,
Амуры, наконец,
Примыслили к лицу, на всякий образец,
Различные уборы,
Могущие привлечь твои прелестны
взоры.
Угоден ли какой наряд
И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донести,
Что все обновы были сшиты, –
Когда прикажешь их принести?
Желал бы описать подробно
Другие редкости чудесных сих палат,
Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.
Не всяк ли дом, не всяк ли край

Ее присутствием преобращался в рай?
Не ею ль рай имел и бытность и нача-
ло?

И если я сказал о сих палатах мало,
Конечно в том меня читатели про-
стят;

Я должен следовать за Душеньку в
сад,

Куда она влечет и мысли всех и взгляд.
В счастливых сих местах земля была
нагрета

Всегдашним жаром лета,

И щедро в круглый год

Произрощала плод

Без всяких непогод.

Толпа к царице слуг навстречу приле-
тела,

И каждый тщился там не быть при
ней без дела:

Водить, рассказывать иль просто за-
бавлять.

Весь двор внимал тому, что Душенька
хотела

Побегать, погулять;

И в рощах иль в садах, где только лишь
являлась,

Ее пришествием натура обновлялась;

Древа склоняли к ней листья,

Как будто бы тогда влечение познали,
И тихим шумом лишь друг другу воз-
вещали
Под тению своей царицы красоты;
И травы и цветы,
Раскидываясь вновь, в сей день, для них
приятный,
Удвоили в садах свой запах аромат-
ный.
Но боле там ясмин пред прочими бли-
стал,
И где царица шла, навстречу выраст-
тал.
Она ясминный дух с отменою любила,
И те цветы себе в букет употребила.
Счастливый сей букет приколонный на
грудь,
Как будто, оживлен клонился к ней
прильнуть.
Приникли хоры птиц, подслушав шум
древесный,
И за амурами стремились в путь из-
вестный,
Чтоб Душеньку увидать вблизи;
Одни над нею вкруг вились,
Другие перед ней летали
И много меж собой в сем диве щебета-
ли.

Не видно было там ночных зловещных
птиц,
Ниже угрюмых лиц;
Не смели приставать сварливые сати-
ры,
И веяли тишайшие зephyры.
Фонтаны силились подняться в высо-
ту,
Чтоб лучше видеть им царевны красо-
ту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи от них гуляла,
Они стремились пасть к ее ногам.
В водах плескаючись, наяды
Нетерпеливо ждали там
Ее пришествия к счастливым их бре-
гам.
Иные взлезли на каскады
Смотреть на путь ее, главы свои под-
няв,
И, Душеньку узрев, бросались к ней
стремглав;
В сем общем торжестве природы
И сами каменны над токами фигуры,
От удивления везде разинув рот,
Из внутренностей вдруг пускали мно-
го вод.
Сей вид представил ей различных тва-

рей род

В изображениях неисчислимо многих:
Ползущих, скачущих, пернатых, чет-
верногих;

И все творения и чуды естества
Явились тогда в счастливой сей дер-
жаве

К услугам Душеньки, или к ее забаве,
Иль к славе торжества.

Оттуда шла она в покрытые аллеи,
Которые вели в густой и темный лес.
При входе там, в тени развесистых
древес,

Открылись новые художные затеи.
Богини, боги, феи,

Могучие богатыри

И славные цари

В былях и в небылицах

Являлись тамо в лицах,

Со описанием, откуда, кто, каков.

И, словом, то была история веков.

Притом услужные амуры

Различны повести старались расска-
зать;

И тамо Душенька, среди чудес природы,
Нашла в явлениях свой род, отца и
мать;

И с самой точностью, в безлюдной сей

пустыне,
Весь мир являлся ей, как будто на кар-
тине.

Хотя ж гулянье по лесам
Особо Душенька любила
И после каждый день ходила,
Со свитой и одна, к тенистым сим ме-
стам,
Но в сей начальный день не шла в гу-
стые рощи,
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги в лес,
Боялась всяких там чудес,
Иль нежные в ходьбе ее устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назад в чер-
тоги.

Не стану представлять
Читателю пред очи
Приятны сны ее в последовавши ночи;
Он сам удобно их возможет отга-
дать.

Но дни бывали там причиною разлуки,
И дни, среди утех, свои имели скуки.
По слуху, говорят,
Что Душенька тогда пускалася в на-
ряд;
Особо же во дни, когда сбиралась в сад,
Со вкусом щеголих обновы надевала.

На свете часто слух имеет правды
склад:

Прилично было б то, что Душенька гу-
ляла

И скуку иногда гульбою прогоняла.

В один из оных дней,

Прошедши в лес далече,

Царевна там на встрече

Увидела ручей,

Который по дуброве,

Как будто бы на зов,

Пред нею вытек внове.

Но красота берегов,

При токе вод хрустальных,

Скрывалась в рощах дальних,

И обольщенный взор

Вела потом до гор,

Откуда чисты токи,

Прервал земли упор,

Давали ей из нор

Растительные соки.

Тогда открылся грот,

Устроенный у вод

По новому манеру;

Он вел потом в пещеру,

Где солнечны лучи

Светили лишь при входе

И где, журча, ключи,

Подобно как в ночи,
Во мрачнейшей свободе
Являли скрытый вид
Иль таинство в природе.
История гласит,
И знают то в народе,
Что Душенька, вошед
В неведомый ей след,
При темном дел начале
Идти не смела дале.
Но чудом тамо вдруг,
Без всякой дальней речи,
Невидимо супруг
Схватил ее под плечи,
И в самой темноте,
На некой высоте
Из дернов зеленистых,
При токах вод ручьистых,
С собою посадил
И много говорил
И прозой и стихами,
Как водится меж нами.
Не ведает никто,
В каких словах на то
Царевна отвечала;
Известно только нам,
Что после к сим местам
Дорожку протоптала.

С тех пор царева дочь
Часы и в день и в ночь
С супругом провождала
И боле всех охот
Любила темный грот.
Когда же застигалась
Ночною темнотою,
То вместе возвращалась
С супругом в свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла их в облаке густом
Под темным некаким шатром;
И каждый день сих мест царица,
Спокоенная сладким сном,
Пускалась в прежний путь потом,
Из дома в грот, из грота в дом.
Но разум требует себе часов свободы,
Скучает проводить в любви целый
день
Царевна следуя уставу в том природы.
Тогда изобрела потех различны роды,
Амуров с нимфами веселы хороводов,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какие и до днесь остались между на-
ми.
Амуры, наконец, старались изобрести
По вкусу Душеньки, комедии, балеты,

Концерты, оперы, забавны оперетты
И всё, что острый ум удобен произ-
весть
В счастливых днях и безмятежных
К утехам чувствий нежных.
Во Греции Менандр, во Франции Мо-
льер,
Кино, Детуш, Реньяр, Руссо и сам Воль-
тер,
В России, наконец, подобный враг поро-
ков,
Писатель наших дней, почтенный Су-
мароков
Театру Душеньки старались подра-
жать,
И в поздних лишь веках могли изобра-
жать
Различны действия природы,
Какие в первый раз явили там амуры.
Но чтобы длились веселья без помех,
Печальный всякий вид смертей, скор-
бей, измены
Неведом был в раю, где царствовал
лишь смех,
И где, среди утех,
Оставлен был кинжал плачевной
Мельпомены.
Царевна, с возрастом познатейшей-

ших лет,
Знакомым прежде ей любила видеть
свет
И часто, детские оставивши забавы,
Желала боле знать людские разны нра-
вы,
И кто, и как живал, и с пользой или
нет;
Сии познания о каждом человеке
Легко могла найти в своей библиоте-
ке.
Великая громада книг,
И малых и больших,
Ее от чтения сначала отвращала,
Но скоро Душенька узнала,
Что разум ко всему возможно при-
учать, –
Узнала дельный смысл от шуток от-
личать,
Судить и примечать.
В историях правдивых
Довольное число нашла прибавок лжи-
вых.
В писателях систем
Нашла, при всякой смеси,
Довольно вздорной спеси,
Хоть часто их предлог не кончился ни-
чем.

Нечаянно же ей во оной книг громаде
Одну трагедию случилось развер-
нуть, –

Писатель тщился там слезами всех
тронуть,

И там любовница в печальнейшем на-
ряде,

Не зная, что сказать, кричала часто:
ах!

Но чем и как в бедах

Ее вершился страх?

Она, сказав «люблю», бежала из покоя
И ахать одного оставила героя.

Царевна там взяла читать еще стихи,
Но, их читая, как будто за грехи,

Узнала в первый раз уполненную скуку
И, бросив их под стол, при том ушибла
руку.

Носился после слух, что будто нако-
нец

Несчастных сих стихов творец

Указом Аполлона

Навеки согнан с Геликона

И будто Душенька боясь подобных скук

Иль ради сохраненья рук,

Стихов с неделю не читала,

Хотя любила их и некогда слагала.

Во время такова изгнания стихов,

Когда не члится там ни песни к ней, ни
оды,
Желала посмотреть царица переводы
Известнейших творцов;
Но часто их тогда она не разумела
И для того велела
Исправным слогом вновь амурам пере-
весть,
Чтоб можно было их без тягости про-
честь,
Зефиры, наконец, царице приносили
Различные листки, которые на свет
Из самых древних лет
Между полезными продерзко выходили
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликон.
Царица, зная кому неведом был закон,
Листомарателей свобод не нарушала,
Но их творений не читала.
Уже три года, как царица провождала
И доле так жила, когда б сей светлый
рай
Желаниям ее возмог соделать край;
Но любопытный ум, при всякой в жизни
воле,
Нередко слабостью бывает в женском
поле.
Царица, распознав

Супруга своего приятный ум и нрав,
О нем желала ведать боле:
Во всех свиданьях с ним, по дням и по
ночам
И в облачном полете,
Просила с жалобой, чтоб он ее очам
Явил себя при свете.
Вотще супруг всегда царевну уверял,
Что он себя скрывал
Для следствий самых важных;
Вотще ей знать давал,
Что он не мог никак нарушить слов
присяжных
И Стиксом клялся в том богам.
Царевна Стиксом насмехалась
И часто удержать старалась
Супруга в доме по утрам,
И часто, силяся без меры,
На свет тащила из пещеры;
Но он из рук ее тогда,
Как ветер, уходил неведомо куда.
В другие времена такие нежны споры
Рождали б радости наместо дальней
ссоры;
Но Душенькин супруг тогда нередко
был
Задумчив и уныл,
И часто повторял угрюмы разговоры,

Являя ей тщету и света и похвал.
Впоследок Душеньку в слезах увещавал.
Чтобы, храня завет среди утех любов-
ных.
Боялась в том измен от самых даже
кровных;
Что зависть ей беды возможет нане-
сти,
И, если судит так предел богов верхов-
ных,
Ее от лютых зол не может он спасти.
Вздыхнув по Душеньке в боязнях толь
суровых,
Супруг едва тогда из дому отлетел,
Как некакий зефир, посланный для
дел.
Принес отвсюду к ней пуки известий
новых.
Она уведала, что две ее сестры
Пришли искать ее у страшной той го-
ры,
Откуда некогда счастливейшим зефи-
ром
Она вознесена во области над миром;
Что тамо под горой из множества пе-
щер
Стращают их драконы,
И что он мог принести царевне от се-

стер,
Вернее всех вестей, и письма и покло-
ны.

Зефир! Зефир! Когда б ты знал
Сих злобных сестр коварны лести,
Конечно бы тогда скрывал
Для Душеньки такие вести!

Почто не встретился какой ли б ско-
рый дух,

Кому бы ведом был о том подробный
слух

И кто бы, при такой от кровных ей из-
мене,

Зефиру мог сказать, чтоб он болтал
помене?

Но воля в том была небес,

Чтобы зефир, без всякой встречи,

По воздуху ловя на свете всяки речи,

К царевне с ветром их принес;

И так уставиши злодеючи ей боги,

Чтоб сестр она потом взяла к себе в
чертоги.

Обыкши Душенька любить родную
кровь

И должную хранить к сестрам своим
любовь,

Супружние тогда забыла все советы:

Зефиру тот же час, скорее как ни

есть,
Сестер перед себя велела в рай при-
весть.
Не видя ж никакой коварства их при-
меты,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камки, и кровать,
И дом, и все пожитки
И с ними разделить своих богатств
избытки.
Богатство мало веселит,
Когда о том никто не знает,
И радость только тот вкушает,
С другими кто ее делит.
Не в долгом времени царевны к ней
предстали,
И обе Душеньку со счастьем поздрав-
ляли,
И за руку трясли, и крепко обнимали,
И радость изъясляли
С усмешкой на лицах.
Но зависть весь свой яд простерла в их
сердцах,
Представя их очам, как будто грех на-
туры,
Что младшая сестра за красоту свою
Живет, господствуя в прекраснейшем
раю,

И тамо служат ей зефиры и амурь.
К тому сказала им царица с хвостов-
ством,
И что супруг ее любезней Аполлона,
Прекрасней Купидона;
Что он из смертных всех красот
На выбор взял ее в супруги;
Что отдал ей во власть летучий свой
народ
И рай в ее услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель ведаёт – когда кого мы лю-
бим,
О том с прибавкой правду трубим.
«Да где ж супруг, скажи?..»
Не зная, что сказать и как себя оправ-
вить,
Сестрам своим в ответ
Царица, покраснев, сказала: «Дома
нет».
Но как она притом старалась их заба-
вить,
Легко тогда могли они себе предста-
вить,
Что Душенькин супруг
Имеет в небе рай, и трон, и много
слуг,
И младость, и красу, и радость без пе-

чали,
И Душеньку на жизнь вознес в небес-
ный круг;

И то, чего они не знали, не видали,
Завидуя сестре, легко воображали
И с горькой жалобой промеж собой
шептали:

«За что супруга ей судьбы такого да-
ли?

А мы и на земли
Едва мужей нашли,
И те, как деды, стары,
И нам негодны в пары»;

И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тут хули-
ли

И с повторением впоследствии говорили,
Что Душенька была отнюдь не хоро-
ша.

Злоумна ненависть, судя повсюду
строга,

Очей имеет много
И видит сквозь покров закрытые дела.
Вотще от сестр своих царевна их
скрывала,

И день, и два, и три притворство про-
должала,

Как будто бы она супруга въявь ждала:

Сестры темнили вид, под чем он был
не явен.

Чего не вымыслит коварная хула?

Он был, по их речам, и страшен и зло-
нравен,

И, верно, Душенька с чудовищем жила.
Советы скромности в сей час она забы-
ла;

Сестры ли в том виной, судьба ли то,
иль рок,

Иль Душенькин то был порок,

Она, вздохнув, сестрам открыла,

Что только тень одну в супружестве
любила;

Открыла, как и где приходит тень на
срок,

И происшествия подробно рассказала;

Но только лишь сказать не знала,

Каков и кто ее супруг,

Колдун, иль змей, иль бог, иль дух.

Коварные сестры тогда, с лицом
усмешным,

Взглянулись меж собой, и сей лукавый
взгляд

Удвоил лести яд,

Который был прикрыт приятни видом
внешним.

Они, то с жалостью, то с гневом и

стыдом,
И с неким ужасом сестре внушить
старались,
Что в страшных сих местах всего они
боялись,
Что тамо был неистов дом
Что в нем живут, конечно, змеи
Или злоторны чародеи,
Которые, устроив рай
И все возможные забавы,
Манят людей в сей чудный край
Для сущей их отравы.
К тому прибавили, что будто в сторо-
не
Поутру видели оне
С домового балкона
Над гротом в воздухе подобие дракона,
И будто б там летал с рогами страш-
ный змей,
И будто б искры там он сыпал из нозд-
рей,
И в роще, наконец, склонясь у гор к пар-
теру,
При их глазах пополз, сгибаючись, в пе-
щеру.
Царевны впоследствии вмешали в разговор
Бесчестье и позор
На будущие роды,

Когда пойдут от ней нелепые уроды
Иль чуды, с коими не можно будет
жить
И кои будут мир страшить.
Во многом Душеньку уверить было
трудно;
Но правда, что она сама свой тайный
брак
Почесть не знала как:
Ее замужство ей всегда казалось чуд-
но.
Зачем бы сей супруг скрывался от лю-
дей,
Когда бы не был змей
Иль лютый чародей?
Впоследствии Душенька в задумчивости
мнила,
Что некая в дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что муж ее, как змей, как самый хищ-
ный тать,
При свете никому не смел себя казать;
Что он не мог иметь ни веры, ни зако-
на
И хуже был дракона.
Царевна в сей прискорбный час
Забыла райские утехы;
Замолк приятных песен глас,

Уныли радости и смехи.
Злотворных сестр и речь и взгляд
Простерли мрачной скуки яд.
Амуры вдруг вострепетали
И с плачем дале отлетали
От сих любимых им палат.
Царевна там одна с сестрами
В свободе продолжала речь,
И непременно судьбами
Сих слов никто не мог стеречь.
«Могу ль я в свете жить? – царевна го-
ворила. –
Постыл мне муж и жизнь постыла.
Несчастлива Душенька! ты мнила быть
в раю,
И участь выше всех считала ты свою;
Но, с родом разлучась и вне земного
круга,
Кого имеешь ты супруга?
Волшебный лишь призрак,
Который делает позорнейшим твой
брак
И ужасает всех сокрытым веролом-
ством.
Кого впоследствии ты должна иметь
потомством?
Чудовищ, аспидов иль змей каких-ни-
будь.

Но если тако мне предписано судьба-
ми,
Скорее меч вонжу в мою несчастну
грудь.
Любезные сестры! навек прощаюсь с
вами.
Скажите всем родным подобными
словами,
Что знали от меня, что видели вы са-
ми;
Скажите, что я здесь обманута была;
Что я стыжуся жить... скажите –
умерла!»
Сестры, как бы уже за злобу казней
ждали,
Советами тогда царевне представля-
ли,
Что красных дней ее безвременный ко-
нец
От наглой хищности вселенну не изба-
вит,
А после, может быть, толь лютых
зол творец
И всех ее родных пожрет или удавит;
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна пред смертью сей, как чест-
ная жена.
В удобный сонный час убить бы колду-

на.

Но сей поступок был для Душеньки опасен,

Противен и ужасен:

Чуждалася она злодейственных смертей,

И жалость завсегда господствовала в ней;

И, может быть, любовь, какой она стыдилась,

Еще в груди ее таилась.

Убийственный совет царевна получа,

Представила в словах мятущихся и косных,

Что в доме не было меча,

Ниже каких-нибудь орудий смертоносных;

И как убить в ночи пустую только тень.

Котора исчезает в день?

И где достать к сему наряду

С огнем фонарь или лампаду?

В сии печальны дни

Зефиры с вечера гасили все огни.

Сестры решительно и смело отвечали

На Душенькину речь,

Что тотчас принесут надежный самый меч,

И вместе принести лампаду обещали.
Приметить было лъзя из слов ее печальных:

Смущенна Душенька тогда без мыслей дальных

Желала только знать, каков ее супруг,
И, взоры обращая к саду,

Идущих сестр своих просила много раз
Не позабыть лампаду.

Уже зephyрам дан приказ

Нести сих сестр к земному шару,

Они, летя из мира в мир,

Мешают с воздухом эфир

И с бурей, дождем и громом

Являются пред неким домом:

То был Кащеев арсенал,

Где с самых древних лет держался

Волшебный меч или кинжал,

Которым Геркулес сражался,

Когда чудовищ поражал.

Сей меч единым сильным махом

У Гидры девять глав отсек;

Сей меч хранился там под страхом

И в сказках назван Самосек.

Он в крепких был стенах закладен,

Но куплен ли, иль просто взят,

Иль был оттоль тогда украден,

Писатели о том молчат;

Известно только ныне в свете
Что точно он блистал в полете;
Что две царевны, от земли
Приняв воздушные дороги,
Сей меч в Амуровы чертоги
Тогда с лампадой унесли,
И скоро с Душенькой простились,
И скоро в путь домой пустились.
О, если б ведала несчастна царска
дочь,
Как вредны ей сей меч, сия лампа-
да!

Амуры ей могли ль советами помочь?
Она бежала их присутствия и взгляда
И в мыслях будущу имела только
ночь.

Светило дневное уже склонилось к ле-
су,
Над домом черную простерла ночь за-
весу,
И купно с темнотою
Ввела царевнина супруга к ней в покой,
В котором крылося несчастно непо-
корство.

И если повести не лгут,
Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,

Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.

Но хитрости ль ее в то время успева-
ли,
Иль сам клонился к сну грызением пе-
чали, –

Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.

Тогда царица осторожно
Встает толь тихо, как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампы.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с вображением печальным
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет и медлит на пути,
И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Бояся змея там найти.
Меж тем в чертог супружский входит,
Но кто представился ей там?

То был... но кто?.. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей природы,
Кому покорны все амуры.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрыт тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный по верху лилеи,
И белые кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
Иль кои крылись от виду,
Могли унижить Адонида,
За коим некогда, влюблясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков, иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств,

За сими краткими чертами
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.
Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,
Иль сон, или призрак, и долго изумля-
лась;
И видя наконец, что каждый видеть
мог,
Что был супруг ее прекрасный самый
бог,
Едва не кинула лампы и кинжала,
И, позабыв тогда свою приличну
стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремитель-
ность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и бес-
словна,
Считала ночь сию приятней всех но-
чей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только
зреть могла,

Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о боге сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.
Впоследствии царска дочь,
В сию приятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизилась, потом приблизила
лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несме-
лом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду накло-
нила
И, масла часть пролив оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Он вдруг вздрогнул, вскричал, проснул-
ся
И, боль свою забыв, от света ужаснул-
ся;
Увидел Душеньку, увидел также меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины

Или признаки вин зломышленной же-
ны;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,
Какие в выправку сказать ему могла.
Слова в устах остановлялись;
И свет и меч в винах уликою являлись,
И Душенька тогда, упавши, обмерла.

Книга третья

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало в прошлы дни, под кровом у
небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь вздох-
нула,
Или б поморщилась, иль только бы
взглянула,
В минуту для ее услуг
Полки духов явились вдруг,
С водами, спиртами, из разных краев
света;
И сам Эскулап, хотя далеко жил,
Тотчас бы сыскан был,
Пощупать, посмотреть иль просто

для совета,
И всю б свою для ней науку истоцил.
Когда же во дворе рассеялися слухи,
Что Душенька в раю преслушала закон
И что ее за грех оставил Купидон,
Оставили ее и все прислужны духи.
Зефиры не были в числе неверных слуг:
Сии за Душенькой старинны волокиты
Одни остались из всей придворной сви-
ты,
Которые вдали над ней летали вокруг.
Но всем известно то, зефиры были
ветры,
И были так легки, как наши петимет-
ры:
Увидев красоты, что преж сего цвели,
Увидев их тогда поблеклы, бездыхан-
ны,
Зефиры не могли
В привязанности быть надолго посто-
янны
И, кинув царску дочь,
Лететь пустились прочь.
Красавицы двора, которые ей служили,
Хотя, казалось, об ней тогда тужили,
Но каждая из них имела красоты,
Имела собственны дела и суеты,
Стараясь, ища, ласкаясь, уповая:

Авось либо творец прекраснейшего рая,
Авось либо сей бог веселий и утех,
Оставив Душеньку за дурость и за грех
И вспомнив древнюю их верность и
услугу,

Впоследок кинет взор
На собственный свой двор
И, может быть, из них возьмет себе
супругу;

И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей в раю.
Амуры боле всех к царевне склонны бы-
ли:

По старой памяти всегда ее любили
И, видя злую с ней напасть,
Усердно ей помочь хотели,
Но, чтя покорно вышнюю власть,
В то время к ней отнюдь прибли-
житься не смели.

Иль, может быть, и так они, предвидя
впредь

Ее несчастья и печали,
Судили – легче ей в сей доле умереть,
И ей из жалости тогда не помогали.
Они увидели, увы! в тот самый час
Зефирам на ветру написанный при-
каз...

Амуры с Душенькой расстались, возры-

дали

И только взорами ее препровождали.

Зефиры царску дочь обратно унесли

Из горних мест к земли,

Туда, откуда взяли,

И там

Оставили полмертву,

Как будто лютым львам

И аспидам на жертву.

*Умри, красавица, умри! Твой сладкий
век*

С минувшим днем уже протек!

*И если смерть тебя от бедствий не из-
бавит,*

*Сей свет, где ты досель равнялась с бо-
жеством,*

*Отныне в скорбь тебе наполнен будет
злом*

*И всюду горести за горестями пред-
ставит.*

Твой рай, твои утехи,

Забавы, игры, смехи

*С их временем прошли, прошли, как
будто сон.*

*Вкусивши сладости, когда кто их ли-
шился*

И точно ведает их цену и урон,

И боле – кто, любя, с любимым разлу-

чится

И радости себе уже не чаает впредь,
Легко восчувствует, без дальнейшего
слова,

Что лучше Душеньке в сей доле умереть.

Но гневная судьба была к ней столь сурова,

Что, сколь бы грозных парк на помощь
ни звала

И как бы смерти не искала,

Судьба назначила, чтоб Душенька жила

И в жизни бы страдала.

По нескольких часах,

Как вымытый в водах

Румяный лик Авроры

Выглядывал на горы

И Феб дружился с ней на синих небесах,

Иль так сказать в простых словах:

Как день явился после ночи

Очнулась Душенька, открыла ясны
очи,

Открыла... и едва опять не обмерла,

Увидев где и как тогда она была.

Наместо божеских, прекраснейших
селений,

Где смехов, игр, забав и всяких слуг со-

бор

Старалась примечать и мысль ее и
взор

И ей услуживать, не ждавши повеле-
ний,

Наместо всех в раю устроенных чудес,
Увидела она под сводами небес

Вокруг пустыню, гору, лес,

Пещеры аспидов, звериные берлоги,

У коих некогда жрецы и сами боги,

И сам отец ее, сама царица-мать

Оставили ее судьбы своей искать,

Искать себе четы, не ведая дороги.

Увидела она при утренней заре,

В ужасной сей пустыне,

На самой той горе,

Куда, по повестям, везде известным
ныне,

Ни зверь не забежал,

Ни птицы не летали

И где, казалось, лишь страхи обита-
ли, –

Увидела себя из райских покрывал,

Лежащу в платьице простом и нена-
рядном,

В какое Душеньку в несчастье беспри-
кладном,

Оставив выкладки и всякие махры,

Родные нарядили,
Когда на верх горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши к бе-
дам,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себе отрады там
Богов хранителей везде присущной вла-
стью,
И, веря всяким чудесам,
Могла б в их помощи легко себя уве-
рить
И несколько бы тем печаль свою уме-
рить, –
Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потом, как дура,
Утратила любовь превыше всех утех,
Любовь нежнейшего любовника и дру-
га,
Иль паче божества под именем супру-
га.
Проступок свой тогда вменяя в край-
ний грех,
Жарчайшею к нему любовью пламене-
ла;
Стократ она, в поправку дела,

Прощения просить хотела
У мужа, у богов, у каждого и всех,
Но способов к тому в пустыне не име-
ла:

В пустыне сей никто – ни человек, ни
бог –
Ни видеть слез ее, ни слышать слов не
мог.

Амур в сей час над ней невидимо взви-
вался,
Тая свою печаль во мраке черных туч;
И если пронизал к нему надежды луч,
Надеждой Душеньку утешить он боял-
ся.

Он ею тайно любовался,
Поступки он ее украдкой примечал,
Ее другим богам в сохранность поручал
И, извиняя в ней поспешность всякой
веры,
Приписывал вину одним ее сестрам.
Известно то, что он по проискам Ве-
неры,
Царевну должен был тогда предать
судьбам,
И что толико в лютой части,
Спасая жизнь ее от злобствующей вла-
сти,

Какою ей тогда Венерин гнев грозил,
Противу склонности повсюду ухищ-
рялся,
Против желанья повсюду притворял-
ся,
Как будто б он уже царевну не любил.
Не смея же ей сам явить свои прислу-
ги,
Он эху той округи
Строжайший дал приказ,
Чтоб эхо всяку речь царевнину внима-
ло
И громко повторяло
Слова ее сто раз.
«Амур, Амур!» – она вскричала...
И может быть, что речь еще бы про-
должала,
Как некий бурный шум средь облак в
оный час
На время прекратил ее плачевный
глас.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразил и горы и леса
Печальной сей округи,
Который эхо там, во многи голоса,
Несло наперехват под самы небеса,
Амур, придавшись движенью некой
страсти,

Забыв жестоку боль бедра
И всё, что было с ним вчера,
Едва не позабыл уставы вышней вла-
сти,
Едва не бросился с высоких облаков
К ногам возлюбленной, без всяких
дальних слов,
С желаньем навсегда отныне
Оставить пышности небес,
И с нею жить в глухой пустыне,
Хотя б то был дремучий лес.
Но, вспомнив, нежный бог, в жару сво-
их желаний,
Несчастливый предел толь лестных
упований
И гибель Душеньки, строжайшим ей
судом
Грядущую потом,
Умерил страсть свою, вздохнул, оста-
новился,
И к Душеньке с высот во славе он спу-
стился:
Предстал ее глазам,
Предстал... и так, как бог, явился;
Но, в угождение Венере и судьбам,
Воззрел на Душеньку суровыми очами,
И так, как бы ее оставил он навек,
Гневливым голосом, с презором произ-

рек

Строжайшую ей часть, предписанну
богами:

«Имей, – сказал он ей, – отныне госпо-
жу,

Отныне будешь ты Венераиной рабою,
Отныне не могу делить утех с то-
бою...

Но злобных сестр твоих я боле нака-
жу».

«Амур, Амур!» – опять цариена возгла-
сила...

Но он при сих словах,

Не внемля, что она прощения просила,
Сокрылся в облаках!

Сокрылся и потом в небесный путь пу-
стился,

И боле не явился.

Болтливы эхи дальних мест,

Которы, может быть наукой от Вене-
ры,

Подслушивали речь из ближней там
пещеры

И видели его свиданье и отъезд,

Впоследок разнесли такую в мир
огласку,

За быль или за сказку,

За правду иль прилог,

Что, будто чувствуя жестокою ожо-
гу,
Амур прихрамывал на раненую ногу;
И будто бы сей бог,
Сбираясь к небесам в обратную дорогу,
Лучом своим и сам царевну опалил
И множество древес сим жаром пова-
лил.
Но как то ни было, любви ль нежной
сила
Или особая господствующа власть
Соделывала в ней мучительную
страсть:
Супружню всю она суровость позабы-
ла,
Лишь только помнила, кого она люби-
ла
И дерзостью своею чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось от
небес?
В отчаяньи, пролив потоки горьких
слез,
Наполнив воплями окружный дол и
лес,
«Прости, Амур, прости!» – царевна во-
пияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рытвину увидев под горой,

С вершины в попасть рва пуститься
предприяла,
Пошла, заплакала, с платочком на
глазах,
Вздохнула! ахнула!.. и бросилась в раз-
мах.
Амур оставил ли зефиров без наказа,
Велел ли Душеньку стеречь на всех го-
рах,
Читатель может сам увидеть то в
делах.
В тот час и в тот момент усердный
Скоромах –
Зефир, слуга ее при ветренных путях, –
Увидев царску дочь в толь видимых бе-
дах,
Не ждал себе о том особого приказа,
Оставил все дела в высоких небесах,
Тряхнул крылом, порхнул три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низ,
Прикрыв воскрылием своим воздушных
риз
От всякой наглости толпы разносто-
ронной,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной
И тихо положил

На мягких муравах долины благовонной.

Он тихим дханием там воздух растворил,

Бореям дерзким дуть над нею запретил

И долго прочь не отходил,

Забыв свою любезну Флору;

Скорбел, что скоро путь свершил,

Что долго Душеньке не мог служить в подпору.

Увидев там она себя на муравах,

Неведомыми ей судьбами,

И куст ясминный в головах

Меж разными вокруг цветами,

Такую истину сперва за сон почла!

И щупала себя, в сомнении и в диве,

И долго верить не могла,

Чтоб, кинувшись, была

Еще на свете вживе;

Забывшись потом,

Заснула крепким сном.

Но видела ль во сне, что было с ней доселе,

Худое ль, доброе ль на деле,

Супруга на горе иль спящего в постеле,

Иль грозную его разгневанную мать,

Историки о том забыли написать,

А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Снодетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся на-
тура
В то время правились указами Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и труд,
Амур, содетель чуд,
Легко соделать мог, чтоб Душенька
уснула
И сном бы отдохнула.
И, может быть, она, возненавидев
свет,
Была к небытию влекома в сей пусты-
не,
Как узник иногда, устав от мук и бед,
Чрез сон старается приблизиться к
кончине.
Но, как бы ни было, по нескольких ча-
сах
Влюбленный Купидон, не спя на небесах
И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла том-
ный взор...

Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами орошала
И камням и лесам унывно возвещала,
Что боле жить она на свете не желала.

«Не буду доле жить!

Приди, о смерть! ко мне, приди!» – она
вопила.

Но смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;

Курносо чучело с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка плоть,
Явилась к ней тогда с предлинною ко-
сою,

Но только лишь траву косить или по-
лоть,
Где Душенька могла ступеньки поко-
лоть.

Увидев наконец, что смерть за ней бе-
жала,

Насильно Душенька скончатъ свой век
искала:

«Зарежуся!» – вскричала,

Но не было у ней кинжала,

Ниже какого остря,

Удобного пресечь несчастну жизнь ея.

Читатель ведает, без всякой дальней
справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булав-
ки,
Чудесным действием иль случаем про-
стым.
В сей крайности она, не размышляя бо-
ле,
Искала камней в поле,
И острый камень как-нибудь
Вонзить себе хотела в грудь.
Казался край тогда ее несчастной до-
ле;
Нашлись остры камни там,
Но Душенька велась не к смерти, к чу-
десам:
Лишь только возьмет камень в руки,
То камень претворится в хлеб
И, вместо смертной муки,
Являет ей припас снедаемых потреб.
Когда же смерть отнюдь ее не хочет
слушать,
Хоть свет ей был постыл,
Потребно было ей ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать,
Потом, смотря на лес, на пропасти
без дна,

На небо и на травку,
И вновь смотря на лес, умыслила она
Другую смерть себе, а именно – удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и чест-
на.
У турок и поднесь за смерть блаженну
ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.
Нередко визири и главные в полках,
И сами там султаны
За собственны свои или других обмань
Кончают свой живот в ошейных осил-
ках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плу-
тов,
Но ищущий конца на всяку смерть го-
тов;
И Душенькина смерть не шла в позор и
в явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядом;
Но вся сия страна,
Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалась сотворена

Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать лихого
зелья.
Равно же изгнан был оттоле всякий
гад,
В каком бывает яд;
Итак, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела удавиться
ся.
А где, и чем, и как?
По многим повестям остался верный
знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкий был пла-
ток,
Который с белых плеч спускался возле
бок.
Несчастлива Душенька, не в многие ми-
нуты,
Неся на смерть красу,
Явилась в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избрав крепчайший сук, последний шаг

ступила

И к суку свой платок как должно прицепила,

И в петлю Душенька головушку вложила;

О, чудо из чудес!

Потрясся дол и лес!

Дубовый грубый сук, на чем она повисла,

С почтением к ее прекрасной голове

Погнулся так, как прут, изросший в вешни числа,

И здраву Душеньку поставил на траве;

И все тогда суки, на низ влекомы ею,

Иль сами волею своею

Шумели радостно над нею

И, съединяючи концы,

Свивали разны ей венцы.

Один лишь наглый сук за платье зацепился,

И Душенькин покров вверху остановился.

Тогда увидел дол и лес

Другое чудо из чудес!

И горы вскрикнули громчае сколь возможно,

Что Душенька была прекрасней всех неложно;

И сам Амур тогда, смотря из облаков
Прилежным взором, то оправдывал
без слов;

Меж тем как Душенька в живущих
оставалась,

Как бытностью ее натура красова-
лась,

Явился ей еще удобный смерти год,
Которым чаяла окончить свой жи-
вот.

Не могли к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.

На случай сей река
Была недалеко.

Царевна с берега крутого,
Где дно реки от глаз скрывалось под
водой,

На смерть пустилась снова.

Но вдруг, противною судьбой,
Поехала она на шукке шегардой;

И, ехав поверху опаснейшей дороги,
Мочила Душенька лишь хвост и ноги.

К хранению ее прибавлен был конвой:
Другие тут же шуки,

Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшись, как должно в строй,

От всяких случаев царицу ограждали
И в путь с плесканьем ее препровожда-

ли.

Иные говорят,
Что будто в щуках там приметили
наряд,

И что наяды эскадроном
Явились к Душеньке с поклоном.

Не знаю, правда ль то, лишь нет со-
мнения в том,

Что некие тогда из сих наяд, иль рыб,
Которых род с рекой со временем по-
гиб,

Служив дотоль в раю под счастливым
законом,

За Душенькою тут спешили вслед до-
гоном,

В старинном их строю

Признать, по должности, владычицу
свою,

Забыв, что бог прекрасна рая,

С тех пор как райску жизнь в ничто
преобратил,

Служивших там, как бы карая,

Оттоль на волю распустил.

Несчастлива Душенька, сколь много не
старалась

В речном потоке утонуть,

Со щукою неслась благополучно в
путь,

И с берега к другому добиралась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зов плывучий сонм вопил единогласно,
Что Душенька в бедах
Без пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь в водах;
Что боги пусть продлят ее прекрасны
годы,
И что ее на смерть отнюдь не примут
воды.
Остался наконец единый смерти род,
Который Душенька не испытала,
Что, может быть, огнем скончает
свой живот.
Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль слепым,
Пришла к речному берегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах
К рыбацьеву ночлегу.
Хозяин оных дров,
Престарый рыболов
В ладье своей на лов

Отплыл во оно время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресечь
Могла себя сожечь
В пустом широком поле,
В просторе и на воле.
Никто б ее извлечь,
Никто б не мог оттоле,
Когда бы небеса
От смертного часа
Ее не отдалили
И новы чудеса
Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на
дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.
Мгновенно дым исчез, огонь и жар по-
тух,
Остался лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осу-
шила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах,
Восколебались тихи волны,

Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И все то случилось вдруг
От Душенькина слова.
Не знаю, волею ль не сей внезапный
крик
В ладье своей старик
Назад стремился к берегу
Иль чудом вверх воды несло его ко бре-
гу;
Но знаю, что потом сей древний в ми-
ре дед,
Взглянув на близь своей повети,
Забыл преклонность лет,
Пустил из рук рыбацьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
Зачем туда пришла,
Каким путем, откуда.
«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов! –
Царевна к старцу вопияла. –
Ты помнишь бытность всех времен;
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит сначала,

Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Но горькой учести моей,
Прошед сквозь огонь, прошед сквозь во-
ду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу,
Бессмертные имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Поддай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет постыл!» –
«Но кто ты?» – старец спросил.
«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как то себе она не чает,
И что еще она не знает
Готовых ей в прибавок бед;
Что злоба гневной к ней богини:
Проникал в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных мечтах

Уже ее вины открыты
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,
Что злобе попускают боги,
И, строгую вина судьбу,
Повел царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла
Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Венеру,
И Душеньку Амур Венере в стыд хва-
лил;
Она же, Душенька, румяны унижает,
Мрачит перед собой достоинства бе-
лил
И всяку красоту повсюду обижает;
Она же, Душенька, имея стойный
стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку,
Богиню красоты не чтит и ставит в
пешку;
Она же взорами сердцам творит изъ-
ян,
Богиней рядится и носит хвост в три
пяди, –

Того или иного ради,
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме извещает
И всяку милость обещает
Тому, кто Душеньку на срок
К Венерину лицу представит.
А буде кто ее отправит
Противу силы оных строк,
Иль буде где ее укроет,
Иль повод даст укрыться ей,
Тот век вины своей не смоеет
Ни самой кровию своей».

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозные слова:
«О боги! видите вы сами, –
Вопили камни и древа, –
На то ли Душенька жива,
На то ль одарена красами,
И чем виновна перед вами,
Когда родилась такова?»

Уже тогда весь мир читал о ней сыск-
ную,
Весь мир о ней равно жалел:
Иной бранил богиню злую,
Другой сыскную драть хотел.
Одни, из должности, цитерские прола-
зы

Твердили по утрам о Душеньке прика-
зы,
Который всяк потом охотно забывал,
И Душеньку, кто мог охотно укрывал,
Но как то ни было, бояся ли пролазов,
Бояся ли приказов,
Водима ль стариком,
Иль собственным умом,
Царевна наконец за благо рассудила
Просить о помощи степеннейших бо-
гинь,
Счастливей она б богов о том просила;
Но с времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого в богах сыскать не
мнила:
Кто резок был иль трус, кто горд иль
глупый шпынь.
И, может быть, она в то время нахо-
дила
В верховнейших богах немалу часть ра-
зинь.
Вначале Душенька пошла просить
Юнону,
Которая тогда, оставив небеса,
За мужем бегала и в горы и в леса.
Она могла б давать несчастным обо-
рону,
Но собственну свою тогда имела

грусть.

*Юнону хоть любил Юпитер по закону,
Любя других, не мог к ней верности со-
блюсть;*

Везде по свету волочился,

Был груб, был дик,

Как вепрь иль бык,

*И часто под дождем по целым дням
мочился.*

*И после до ушей Юноны слух проник,
Что подлинным быком в Европе он
явился*

*И подлинным дождем к Данае он спу-
стился,*

Забыв отца богов достоинство и чин.

Для множества таких причин,

И, может быть, за то, как видела

Юнона,

Что Душенька сама

Могла Юпитера соделать без ума,

*«Поди, – сказала ей богиня вышня тро-
на, –*

Проси о деле купидона,

Или поди проси других,

А мне довольно бед своих».

Царевна, по народной вере,

Пошла с прошением к Церере.

В те дни собирался хлеб с полей,

И хлебодатная богиня
У всех своих тогда являлась олтарей,
Тогда на всех лилась от ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступ для сего к Церерину лицу
Дозволен только был жрецам или
жрецу,
И кто к богине шел для просьбы иль
вопроса,
Не мог услышан быть без жертвы и
приноса;
А Душенька была в то время всех бед-
ней,
И не было тогда у ней
Отцовских денег, ни перстней;
Возненавидев жизнь, как знают все, ду-
рила
И добрым людям их дорогой раздари-
ла.
Остался у нее пастуший сарафан,
Который был ей дан
Разумным рыболовом,
Чтоб в сем наряде новом
Укрыть ее от бед хотя через обман;
Осталась красота, о коей все трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И, им последуя, жрецы, известно то,
Отменный дар красот вменяли ни во

что.

Жрецы тогда ее, до будущего лета,
Отправили оттоль без всякого отве-
та.

В сей скорби Душенька, привыкши всех
просить,
Минерву чаяла на жалость прекло-
нить.

Богиня мудрости тогда на Геликоне
Имела с музами ученейший совет
О страшном некаком наклоне
Бродящих близ земли комет,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкий свет,
Пророчили беды местами
И Аполлонов путь
Грозили в мир запнуть.

На всё же, что тогда царевна пред-
ставляла

Без всякой жалости богиня отвечал,
Что мир без Душеньки стоял из века в
век;

Что в обществе она не важный чело-
век;

И паче, как хвостом комета всех пуга-
ет,
На Душеньку тогда взирать не подоба-
ет.

К Диане Душенька явить не смела глаз;
Богиня та любви не ведала зараз:
Со свитой чистых дев, к свободе
устремленных,
К невинной вольности, нося колчан и
лук,
Пускаясь быстро в бег, любя провор-
ство рук,
Гонялась за зверьми в пустынях отда-
ленных.
Никто не нарушал дотоль ее забав;
Еще не видела она Эндимиона,
И строгостью себе предписанна закон
Лишила б Душеньку и милостей и прав.
Куда идти? еще к Минерве иль к Цере-
ре?
Поплакав, Душенька пошла к самой Ве-
нере.
Проведала она, бродя по сторонам,
Что близко от пути, в приятнейшей до-
лине,
Стоял известный храм
С надвратной надписью: «Прекрасней-
шей богине».
Нередко в сих местах утех всеобщих
мать,
Мирских сует слагая бремя,
Любила отдыхать.

Туда от разных стран народ во всяко
время

Толпой стекался воздыхать.

Иные шли туда богиню прославлять,
Другие к милостям признание являть,
Другие ж их просить иль просто погу-
лять.

В таком стечении народа
Несчастлива Душенька, избрав тишай-
ший час

И кроюсь всячески от всех сторонних
глаз,

Со трепетом рабы туда искала входа.

Одною лишь в бедах

Надеждой утешалась,

Что, может быть, она, хоть вольно-
сти лишалась,

Увидит в сих местах

С Венерой Купидона

И, забывая страх

Строжайшего закона,

Вдавалась в сладости различных лест-
ных дум,

Какими упоён бывает страстный ум.

В сих мыслях Душенька приблизилась
ко храму

И там, задумавшись, едва не впала в
яму,

Куда от разных жертв за двор
Смешался в кучу разный сор.
Но, впрочем, все места казались тамо
садом,
И благовонная катилась роса
На мирту, на лимон, на всяки дрeвеса,
И храм курился вокруг душистым вся-
ким чадом.
По сказкам знают все, что шелковы
луга,
Сытовая вода, кисельны берега
Богине красоты всегда принадлежали
И по долине там дороги окружали.
Издrevле бог войны
Строжайший дал приказ, в угодность
сей богине,
Чтоб вечно в той долине
Трубы военной звук не рушил тишины.
Известно всем, что там и самы дики
звери
К овцам ходили в двери,
И овцы, позабывши страх,
Гуляли с ними на лугах
И с самой вольной простотою
Питались киселем с сытою,
Навеки в животе,
В здоровье, красоте;
Живуща тварь не убивалась,

Насильством кровь не проливалась,
Неведом был скорбящих глас,
И вся природа всякий час
Согласием сочетавалась.
В середине сих лугов,
И вод, и берегов
Стоял богинин храм меж множества
столпов.
Сей храм со всех сторон являл два раз-
ных входа:
Особо – для богов,
Особо – для народа.
Преддверия, врата, и храм, и олтари,
И каждая их часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура
Снаружи и внутри
Изображала вид игривого Амура,
Иль вид забав и торжества
Властительного там прекрасна божес-
тва;
Венеры чудное рождение из пены
И всяка с нею былль, приятная в чер-
тах,
Особо виделись в картинах и коврах,
Какими изнутри покрыты были сте-
ны.
Во внутренности там различных ол-
тарей

Различны дани приносились
От всех наук, искусств, художеств и
затей,
И знатных и простых людей,
Которы все в число достойнейших про-
сились:
Иной, желая приобрести
Любовью к некоей музе честь
И данью убедить любовницу скупую,
Привесил в уголок цевницу золотую;
Другой, себе избрав,
По праву иль без права,
В любовницы Палладу
И тщася получить лавров венец в на-
граду,
Привесил ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннейшей Алк-
мены,
Во храме распестрил малярной ки-
стью стены.
Но дани, приносимы в храм
Не по богатству иль чинам,
Могли казаться тамо кстати;
И часто там простой пастух,
Неся богине в дар усердный только дух,
Предпочитаем был блистательней-
шей знати.

На среднем олтаре,
Под драгоценнейшим отверстием бал-
дахинном,
Стоял богинин лик особым неким чи-
ном,
Во всей поре,
Во всей красе и в полной славе,
В подобной, как она на некакой горе
Явилась в прежни дни к Парисовой рас-
праве
И спор между богинь решила красо-
той.
Сей лик, казалось, был божественной
рукой
Из мрамора иссечен
И после в образец художества приме-
чен.
Носился в мире слух, что будто Прак-
ситель
Оттуда взял модель
И, точно по примеру,
Представил в первый раз во всей красе
Венеру.
Никто из вшедших в храм не мог или
не смел
Не преклонять колен пред сим пре-
красным ликом;
И каждый, как умел,

Богине гимны пел,
В усердии глуша один другого криком.
Над храмом извивался рой
Амуров, смехов, игр, зефиров,
Которы всякою порой
Туда слетались от всех возможных
миров.

В летучем их строю
И те при храме были,
Которые в раю
При Душеньке служили.
В сей час они опять над прежней госпо-
жой

В неведеньи летали,
Резвились и журчали;
Но Душенька тогда под длинную фа-
той,

Под длинным сарафаном,
Для всех была обманом:

Вошла во храм с толпою в ряд
И стала в стороне у самых первых
врат.

От робости она сих мест не Примеча-
ла,

Иль, помня прежнюю блаженну жизнь
свою,

Когда сама была богинею в раю,
Полками разных слуг сама повелевала,

И песни и хвалы сама от всех слышала,
Сей храм напоследи за редкость не счита-
тала, –

По воле то решить читатель может
сам.

Но в храме, лишь едва лицо свое от-
крыла,

В минуту все глаза к себе оборотила.

Возволновался храм,

Умолкли гимны там,

Пресеклись жертв приносы,

И всюду слышались лишь вести иль во-
просы.

Я прежде не сказал,

Что весь народ Венеру

В сей день по слуху ждал

Из Пафоса в Цитеру.

Увидя ж Душеньку, согласно весь народ

Один другому в рот

Шептал за новы вести:

«Венера здесь тайком!..

Бежит от всякой чести!..

Венера за столбом!..

Венера под платком!..

Венера в сарафане!..

Пришла сюда пешком!..

Во храм вошла тишком!..

Конечно с пастушком!..»

*И весь народ в обмане
Пред Душенькою вдруг колена прекло-
нил.*

*Жрецы, со множеством курящихся ка-
дил,*

Воздев умильно длани,

*Просили Душеньку принять народны
дани*

И с милостью воззреть

На всяки нужды впредь.

В сие волнение народа

Возникла вдруг молва у входа,

Что сущая уже богиня оных мест,

*Влеча с собой толпы служителей на
въезд*

И яблоко держа Парисово в деснице,

Со всею славою, в блестящей колеснице

*В тот час из Пафоса ко храму прибы-
ла,*

*И вдруг при сей молве Венера в храм во-
шла.*

Но кто представит живо,

В словах или чертах,

Богинин гнев, народный страх

И общее во храме диво,

*И боле Душеньку, в невинном торже-
стве,*

При самом храма божестве.

Вотще в то время всех царевна уверя-
ла,
Зачем туда пришла
И кто она была,
Большая часть людей от ней не от-
ставала,
Забыв, что в храм сама Венера прибы-
ла.

Богиня, сев на трон и скрыв свою доса-
ду,
Колико скрыть могла,
Оставила в сей день другие все дела
И тот же час приказ дала
Представить Душеньку во внутренню
преграду.

«Богиня всех красот не сетуй на ме-
ня, —

Рекла царевна к ней, колена преклоня. —
Я сына твоего прельщать не умышля-
ла:

Судьба меня, судьба во власть к нему
послала.

Не я ищу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей красоте.
Сама искала я упасть перед тобою,
Сама желала я твоею быть рабою,
И в милость только то прошу себе на-
предь,

Чтобы всегда могла твое лицо я
зреть». –

«Я знаю умысл твой!» – Венера ей ска-
зала,

И, тотчас кончив речь,

С царевной к Пафосу отъехать пред-
прияла,

Притом с насмешкой приказала
В пути ее беречь.

Сажают Душеньку в особу колесницу,

Запряжи в путь сорок станицу;

А для беседы с ней, как будто ей чета,

Сядутся тут же рядом

Четыре фурии, изверженные адом:

Коварство, Ненависть, Хула и Клеве-
та.

Оставим разговор сих фурий ухищрен-
ных

И скажем наконец, к каким трудам
она

Венерой в Пафосе была осуждена

И кто был воздь ее на службах пове-
ленных.

Из многих дел и слов,

В умах напечатленных,

Известно мщенье богов,

Во гневе раздраженных.

Нередко сильные, прияв на небе власть,

Бессильных поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло пред ними
пасть,
Ногами попирали.
В счастливейших веках,
Конечно, нет примера
Такому мщению, какое, всем во страх,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привести, сколь можно в
дурноту,
Чтоб все от Душеньки впоследствии
от-
вращались
И только бы тогда Венерою прельща-
лись.
Не знаю, в первый день, иль лучше, в
перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня в мщениии послала царску дочь
Принесть чрез три часа воды живой и
мертвой.
Известен весь народ
О действе оных вод:
От первой кто попьет – здоровье полу-
чает;
А от другой попьет – здоровье потеря-
ет;

Но в сем пути никто не возвращался
жив.

Царевна, к службе сей, как должно при-
цепив

Под плечи два кувшина,

Пошла без дальна чина,

Пошла на все труды

Искать такой воды.

Куда? и кто в пути ей будет провожа-
тым?

Амур во все часы ее напасти зрел

И тотчас повелел

Своим слугам крылатым

Поднять и перенести царевну в тот
удел,

Где всяки воды протекают,

Мертвят, целят и помогают.

Зефир, который тут по склонности
прильнул,

Царевне на ухо шепнул,

Что воды окружает

Большой и толстый змей свернувшись
вкруг кольцом,

И никого отнюдь к водам не допуска-
ет,

Как разве кто его забавит питьецом.

Притом снабдил ее большою с пойлом
флягой,

Которую велел, являсь туда с отвагой
И змею речь сказав, в гортань ему во-
ткнуть.

Когда же пасть свою при пойле змей
разинет

И голову с хвостом в то время разо-
двинет,

То Душенька найдет себе свободный
путь

Живую ль мертвую ль водицу почерп-
нуть.

Зефир лишь то сказал царица путь
скончала, –

Явилась у вод

И, змею поклонясь умильну речь сказа-
ла,

Котору выдала в последок и в народ:

«О Змей Горынич Чудо-Юда!

Ты сыт во всяки времена,

Ты ростом превзошел слона,

Красою помрачил верблюда,

Ты всяку здесь имеешь власть,

Блестишь златыми чешуями

И смело разеваешь пасть,

И можешь всех давить когтями, –

Соделай край моим бедам,

Пусти меня, пусти к водам»

Хвалы и титулы пленяют всяки уши,

И движутся от них жестоки сами души.

Услышав похвалы от женского лица,
Притом склоняясь ко сласти питьеца,
Горынич пасть разинул

И голову с хвостом при поиле разодвинул –

Открылись разных вод и реки и пруды
И разны к ним следы.

Прислужливый Зефир пока сей час не
минул,

Конечно Душеньку в дорогах не покинул;

Она, в свободе там попив живой воды,
Забыла все свои дорожные труды

И вдруг здоровей стала.

Писатели гласят,

Что Душенька тогда с водой явясь назад,

В отменной красоте, как роза процветала

И пред Венерою, как солнце возблистала,

И будто бы тогда богиня умышляла

Заставить Душеньку лихую воду пить;

Но, просто случаем, иль чудом может
быть,

Кувшин с лихой водой разбился,

И умысл в дело не годился
Богиня видела из таковых чудес,
Что помощь Душенька имеет от
небес,
Или, точней сказать, от самого Аму-
ра;
Но, как известно было ей,
Что пагубой людей
Обилует натура,
Послала Душеньку еще в другой поход,
В надежде, что скончает там живот,
Или хоть будет жить, но будет без
красот.
В саду, где жили Геспериды,
Читатель ведает, что некогда росли
Златые яблоки, иль просто златови-
ды,
И сей чудесный сад драконы стерегли.
А в том, или в другом саду вблизи Ат-
ласа,
Жила напоследи царевна Перекраса
Потомству все ее неведомы дела,
Но всяк о том слыхал, что подлинно
была
Сих чудных мест она богиня иль цари-
ца,
И в сказках на Руси слыла,
Как всем известно, Царь-Деввица.

О красоте ее имеет весь народ
Из повестей довод:
Златые яблоки она вседневно ела;
Известно, что от них краснела и
добрела.
Но, ради страхов там и трудностей
дорог,
Коснуться к яблокам никто другой не
мог.
Хоть не было тогда драконов там, ни
змея
Однако сад сей был под стражею Ка-
щея,
Который сам как страж, тех яблок не
вкушал
И никого отнюдь их есть не допускал.
А если приходил тех яблок кто поку-
шать,
Вначале должен был его загадки слу-
шать;
Когда же кто не мог загадок отга-
дать,
Того без милости обык он после
жрать.
Венера ведая сих строгих мест законы
По коим властвуют Кащей или драко-
ны,
Послала Душеньку не жить, а уми-

рать,
Чтоб яблоч тех достать.
Но кто ей скажет путь и будет помогать?
Зефир – она его успела лишь назвать –
Зефир ей новую явил тогда услугу;
И, чтоб холодный ветер не мог ее встречать,
Пустился с ней в сей путь по югу;
Шепнул царевне он какую вещь сказать
И как на все слова Кащею отвечать.
Потом под яблонью подставить только полу,
В то время яблоки скатятся сами к долу,
И можно будет ей тогда оставив сад,
С добычею лететь назад
И яблоч золотых вкусить по произволу.
Не в долгом времени, не в день – в единственный час,
Явилась Душенька к Кащею взять приказ;
Поклон, как должно сотворила,
Как должно речь проговорила,
Но свету речи сей
Ниже того, что ей

Загадывал Кощей,
Она не сообщила.
Известны только нам последственные
дела,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что в новой красоте пред прежним
расцвела
И горшье себе напасти навела.
К успеху мщенья пришло на ум богине
Отправить Душеньку с письмом ко
Прозерпине,
Велев искать самой во ад себе пути,
И некакой оттоль горшечек принести
Притом нарочно ей Венера наказала,
Горшечка, чтоб она отнюдь не открывала.
Царевнин ревностный служитель давних лет,
Зефир скорей стрелы спустился паки в свет
И ей полезный дал совет
Идти в дремучий лес, куда дороги нет.
В лесу он ей сказал представится избушка,
А в той избушке ей представится старушка,
Старушка ей вручит волшебный посо-

шок,
Покажет впоследствии в избушке уголок,
Оттолкнет покажет вниз ступени,
По коим в ад нисходят тени;
И Душенька тогда лишь ступит де-
вятнадцать раз,
К Плутону в области окончит всю до-
рогу;
И, в безопасности от страхов в тот
же час
Откроет напоказ
Свою прекрасную ногу,
И может впоследствии бесстрашно гово-
рить
С Плутоном, с Прозерпиной, с Адом,
Письмо вручить,
Горшечек получить
И службу надлежащим рядом
Исправно совершить.
Последуя сему закону,
Пошла царевна в лес, куда глаза гля-
дят,
Нашла подземный сход, ступила де-
вятнадцать крат,
Сошла тотчас во ад,
Явилась ко Плутону.
Возволновался мрачный край,
Не ждал посольства от Венеры;

Тризевны в Тартаре церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, в сею тревогу,
Едва открыла только ногу,
Как вдруг умолкла адска тварь –
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять;
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:
Возвысил вокруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярких глаз
Взглянул... начавши речь запнулся,
И с роду первый раз
В то время улыбнулся.
Узрев толь сильную поскольку полную
мочь,
Какую при письме казала царска дочь,
А паче на нее воззрение Плутона,
Богиня адска трона
Велела ей скорей пресечь
Пристойную на случай речь;
И, по письму вручив горшочек ей при-
ватно,
Ее, без дальних слов, отправила обрат-
но.
Царевна наконец могла бы как-нибудь

Окончить счастливо и новый оный
путь;

Но друг ее Зефир сначала,
Как видно, бед не предузнал

И ей особо не сказал,
Чтобы горшочка не вскрывала.

Царевна много раз

В горшочек посмотреть в пути оста-
новлялась,

И в тот же самый час

Желанию сопротивлялась.

Напоследи, смотря и в стороны и в
след

И до двора уже немного не дошед,

Венеры заповедь, и гнев, и страх презре-
ла,

Открыла кровельку, в горшочек по-
смотрела.

Оттуда, случаем лихим,

Внезапно вышел черный дым.

Сей дым, за сильной густотою,

Зефиры не могли отдуть;

И белое лицо и вскрыта бела грудь

У Душеньки тогда покрылось черно-
тою.

Она старалась пыль платком с себя
стирать;

Но чем при трении трудилась сильнее,

Тем делалась чернее,
Как будто бы свой вид трудилась ма-
рать.
Надеялась потом хоть как-нибудь во-
дою
Прошедшую себе доставить красоту,
Но чудною бедою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И к токам чистых вод хотя лицо скло-
няла
И черноту свою хоть много раз купа-
ла,
Смотрясь в водах потом, уверила себя,
Что темностью она была подобна са-
же,
Иль просто, так сказать, красу свою
сгубя,
Была арапов гаже.
В сем виде царска дочь
Стыдилась всякой встречи
И, слыша всяки речи,
От всех бежала прочь.
Для белых рук ее в народе вышла сказ-
ка,
Что будто бы она таилась от людей
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей в посмех,

Давали странный образ делу
И уверяли всех,
Что боги, будто б ей за грех,
Арапску голову пришили к белу телу.
Простой же весь народ,
Любуясь Душеньки и видом и осанкой,
Дивился в ней еще собранию красот
И звал ее тогда прекрасной африкан-
кой.

Но Душенька, сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком закрыва-
ла,
И в горести тогда, куда идти, не зна-
ла, –
Идти ли ей потом на смех и на позор
Обратно в дом к Венере
Или к родным во двор?
Но может ли их взор
За точну Душеньку признать ее по ве-
ре?
Осталось только ей сокрыть себя то-
гда
В какой-нибудь пещере,
Где б люди никогда
Ее толь горького не видели стыда,
И там зарыть себя живую,
Чтобы скорее тем окончить участь

злую.

Амур жестокость зол подобно ощу-
щал,

Он все ее беды иль видел, или знал.

Но для чего ее оставил он без стражи,
Когда она несла горшочек адской са-
жи?

Читатель сей вопрос решит, конечно,
сам:

Угодно было так судьбам,

Угодно было так Венере

Чтоб Душенька была черна,

Чтоб Душенька была дурна

И крылась от людей в пещере.

Амур отвержен был в Цитере

И, в небе был тогда без сил,

Беде нарочно попустил,

Чтоб тем обезоружить злобу,

Котора Душеньку могла привести ко
гробу.

Для редкости сих дел

Повсюду мир шумел

О роде Душеньки, об участи, о летах,

О всех ее приметах.

Дошла впоследствии весть,

Чрез слух иль как ни есть,

К сестрам ее коварным,

Что Душенька в раю с супругом луче-

зарным

Недолго пожила;

Что изгнана оттоль за некаки дела

И что напоследи, скитаяся без дела,

Иссохла, подурнела

И страшно почернела.

Они устроили на случай торжество

И громко всем трубили,

Что Душеньку везде грехи ее губили

И что за то ее карает божество.

Превратным разумах любви существо

Неведомо и странно.

Сестры царевны сей,

Навлекши скорби ей

И все ее дела ругая беспрестранно,

Отнюдь не мыслили во мраке клеветы,

Что Душенька, лишася наружной красоты,

Могла Амуром быть любима постоянно.

Амур, напастями царевны отвлечен,

Стремил старание к единому лишь виду,

Чтоб гнев судеб к ней был, сколь можно, облегчен,

Как будто бы забыл от сестр ее обиду;

Но после обратил их наглость им же в казнь:

На торжество сих сестр нарочного отправил,

Который от него, как должно, их поздравил;

Благодаря притом за дружбу и приятнь,

Прибавил, что Амур любовью к ним пылает

И с нетерпением увидеть их желает,

И только ждет, без дальних слов,

Чтобы они, взошед на каменную гору,

Какая выше всех представится их взору,

Оттуда бросилися в ров;

И что потом Зефир минуты не утратит,

Тотчас летящих их подхватит,

Помчит наверх в небесный край

И прямо постановит в рай,

А там Амур явит им должные услуги,

Намерясь купно взять обеих их в супруги.

Услыша толь приятну речь,

Сестры царевнины от радости вскружились:

Скорей коней велели впречь,

В богаты платья нарядились;
Не прочили белил, ни мушек, ни румян,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обман,
Отправились к горе, а там, с крутой
вершины,
Спешили броситься в стремнины.
Но их Зефир потом наверх не подхва-
тил,
А дул, как видно, только в тыл;
И в райское они жилище не попали,
Лишь только головы себе, летя, сло-
мали.
Карая тако злость, меж тем прекрас-
ный бог
Подробну ведомость имел со всех до-
рог,
От всех лесов и гор, где Душенька явля-
лась,
И, сведав, что она,
От всех удалена
В середине гор скрывалась,
Донес богам о том сполна;
Донес, что Душенька была уже черна,
Суха, худя, дурна;
И упросил тогда смягченную Венеру,
Чтоб было наконец дозволено ему

Открыто самому
Явиться к Душеньке в пещеру.
Но как представился тогда его очам
Предмет любви постоянный?
Несчастлива Душенька, в печали неска-
занной,
Не ела, не пила, не зрела света там.
Читатель должен знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том
И не хочу искать свидетельства для
веры;
Лишь знаю, что она лежала на фате
У входа сей пещеры,
Скрывая голову в пещерной темноте;
А часть оставшая являлась в красоте
На зрелище пред входом;
И быть тогда могла признаком и до-
водом,
Когда б любовный бог
О точности вещей иметь сомненье
мог.
Зефиры видели и свету возвестили,
Что Душеньку Амур издалека узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упустили.

Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась от сты-
да,
Уйти в пещеру торопилась,
И тамо наконец с Амуром изъясни-
лась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному кругу
Взаимное от них прощение друг другу
Во всех досадах и винах.
Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам Зевс,
В утеху всех дурных, на землю дал с
небес;
И всюду слово в слово
Та грамота тогда твердилась заново:
«Закон времен творит прекрасный вид
худым,
Наружный блеск в очах преходит так,
как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет».
Слова сии Амур твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку пред-
ставил,
Котору в черноте дурною он не ста-

вил.

Юпитер, покачав,
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красо-
тою

И Душенька была б всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщет-
ты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила, –
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как преж сего была.

Амур и Душенька друг другу равны ста-
ли,

И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так,
как мать;

Но как ее назвать,
В российском языке писатели не зна-
ют.

Иные дочь сию Утехой называют,

*Другие – Радостью, и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не применяется названием натура:
Читатель знает то, и знает весь на-
род,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.*